

О ЗАНЯТИЯХ, ОБЩИХ ДЛЯ МУЖЧИН
И ЖЕНЩИН

Кроме изложенных уже нами занятий, изначально присвоенных у лопарей представителям того или другого пола, все остальные работы в равной мере распределяются между мужчинами и женщинами. Именно это имел в виду Иоанн Торней, говоря о лопарях: "И мужчины и женщины носят у них штаны, что вызывается глубокими зимними снегами, непогодами и трудностями пути во время переездов, так как женщины наравне с мужчинами делают всякую работу, за исключением лишь охоты, которой занимаются одни мужчины".

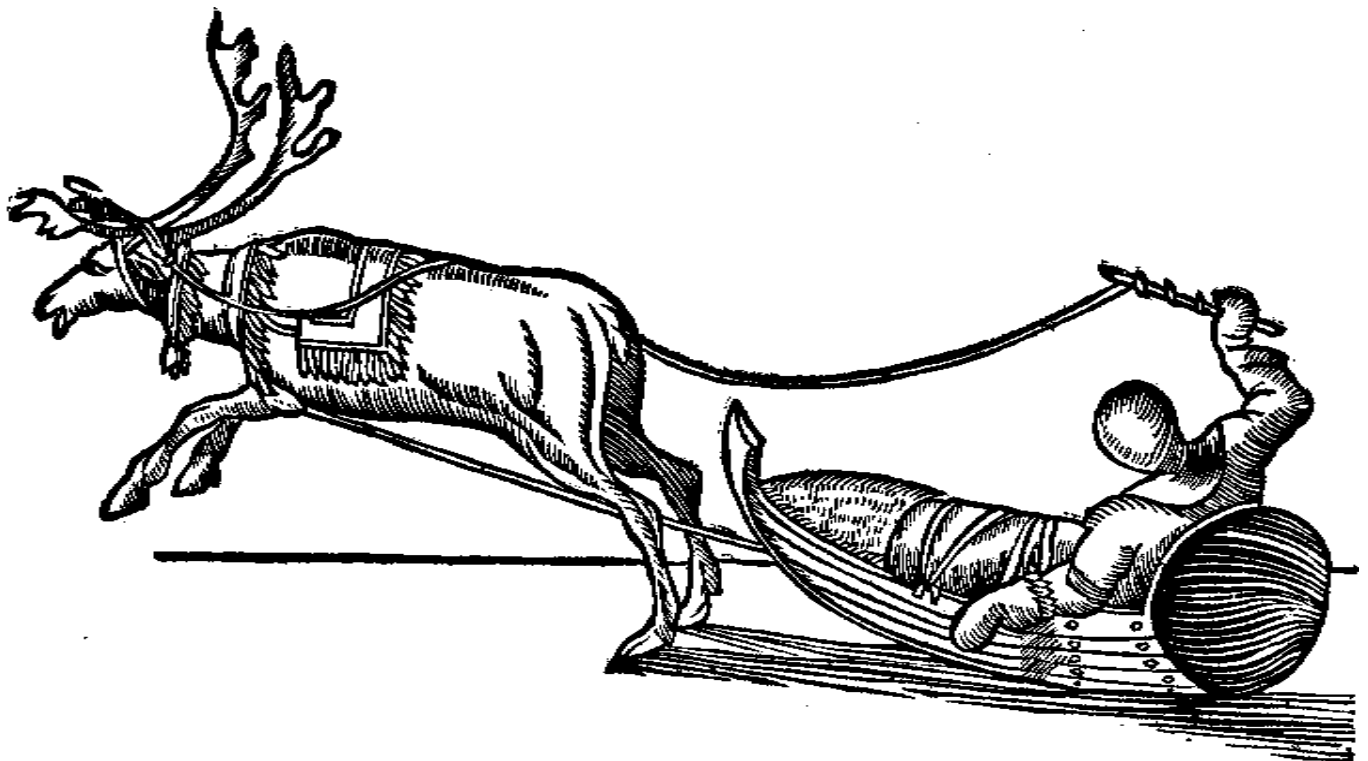
В этой общей фразе он выделил одну только охоту, как наиболее важное и существенное занятие, не касаясь тех более мелких обязанностей, которые, как мы видели выше, возлагаются, в свою очередь, на одних только женщин. В особенности он подчеркивает тут, что во время постоянных кочевий и переходов с места на место, лопарки разделяют со своими мужьями все труды и заботы, связанные с этим образом жизни, почему и нуждаются в соответственной более удобной и теплой одежде.

В уже описанном нами со слов Самуила Реена порядке следования лопарской райды (каравана) мы видим, что впереди шествует глава семьи с навьюченными оленями, а за ним следует его жена, подобным же образом ведя за собой нагруженных кладью животных. Летом оба идут пешком, зимой едут на оленях, способ передвижения на которых уже был нами описан выше.

Ездок обыкновенно привязывается веревками к обоим бокам саней, особенно, когда ему предстоит трудный и неровный путь. Просунув ноги под закрытый передок саней, он полулежит в них, опираясь спиной в заднюю доску так, что наружу выступает лишь его грудь и руки, остающиеся свободными. "Задняя часть саней, – пишет Вексионий, – замыкается плоской колодой наподобие кормы, к ней ездок (а в каждом санях ехать может только один человек) прислоняется спиной. Он погружен по пояс во внутреннюю часть саней и привязан к ним с обеих сторон пеньковыми веревками или ремнями". А Иоанн Торней добавляет: "Лопарь в своих санях запеленат, как ребенок, веревками и ремнями, так что только верхняя половина тела и руки выступают из саней".

Упряжь оленей, впрягаемых в сани, очень отличается от обычной упряжи лошадей. На шею оленя надевается широкая повязка вроде хомута, от которой между передними и задними ногами под животом животного тянется к передку саней крепкая веревка. "От поднимающейся кверху передней части саней, – пишет Вексионий, – в которой для этой цели сделано отверстие, тянется под брюхом оленя привязь, проходящая между его передними и задними ногами, чтобы лучше можно было управлять его движениями. Спереди она прикрепляется к хомуту из мохнатой оленьей шкуры, одетому на шею животного".

"Вся сбруя оленя, – констатирует Торней, – состоит из одного хомута и привязи, идущей от него под брюхом

животного к саням, ее одной рукой легко поднимает даже ребенок". Поэтому необычайно отклонился от действительности злополучный иллюстратор сочинений Олафа Магнуса, давший вымышленное им самим изображение оленей, запряженных в сани совершенно так же, как обыкновенно запрягают лошадей, т.е. с чересседельниками и подпругами с обеих сторон, да кроме того еще под дугой, с которой часто запрягают лошадей в сани и телеги, чтобы слегка раздвинуть ими оглобли, между которыми приходится бежать животному.

Такую именно дугу, называемую "lochrarcka", он нарисовал над своими оленями, хотя она и может иметь смысл лишь там, где есть оглобли, олени же запрягаются не в оглобли, а при помощи простой привязи, как было сказано выше.

Этот же иллюстратор изобразил летнюю лопарскую упряжку в виде двух оленей, впряженных в телегу, что уже совсем ни с чем не сообразно, т.к. никаких повозок на колесах вовсе не встречается в Лапландии и летом всю кладь перевозят прямо на спинах оленей, навьючивая их посредством особых седел.

Но самое невероятное у него – это рисунок лопаря, едущего верхом на олене, взнузданном уздечкой, и с поводьями. Ничего подобного никто еще не видал, ибо уже Циглер категорически утверждал, что "лопари никогда не ездят верхом, а привязывают оленя к саням".

Как мы уже говорили, летом лопари путешествуют пешком с навьюченными оленями, зимой же впрягают их по одному в сани, в которые и садится каждый ездок по отдельности. Едучи на санях, лопарь правит оленем при помощи одной единственной вожжи, прикрепленной совсем не к уздечке, а привязанной к голове и рогам животного, и держит ее свободный конец в правой руке. В свою очередь, этот конец подвязан к короткой палке вроде кнутовища, которую ездок перекладывает по желанию из правой руки в левую, причем вожжа ударяет по спине оленя то справа, то слева и направляет его в надлежащую сторону.

Итак, одной рукой лопарь правит, другой же выравнивает сани, которые, будучи полукруглой формы, вроде килевой лодки, постоянно наклоняются то на один, то на другой бок; перевешиваясь на противоположную сторону и двигая рукой, ездок не дает им перекувырнуться.

"В сани, напоминающие по виду челнок, – сообщает нам Герберштейн, – лопари запрягают оленей. Человек, едущий в санях привязывается к ним веревками, чтобы не выпасть во время быстрой езды.левой рукой он держит вожжи, которыми сдерживает оленя, а правой рукой палку, которой подпирается, если сани накрываются слишком на один бок, и не дает им перевернуться". Следует лишь заметить, что к палке, находящейся в правой руке, и привязана вожжа, другой конец которой завязан вокруг головы и рогов животного. Ездок, сидящий очень низко на дне саней, при помощи ее перекидывает вожжу через спину животного то направо, то налево, управляя таким образом движением оленя. Совсем не этой палкой, а тяжестью собственного тела, наклоняясь то в одну, то в другую сторону и двигая при этом свободной рукой, он удерживает сани в равновесии.

Все это вы видите на рисунке, изображающем лопаря, едущего в санях на олене. Так лопари путешествуют зимой, когда вся страна бывает покрыта глубочайшими

снегами. Нет недостатка во всевозможных украшениях, которыми покрывается несложная оленья упряжь. На шею оленям вешают колокольчики, звук которых, видимо, доставляет оленям большое удовольствие; вся сбруя расширяется оловянными нитями, а по краям украшается разноцветными кусочками ткани в виде бахромы.

Смотря по надобности, лопари ездят на оленях то очень быстро, то медленно. Так, например, переключивая на новые места, обыкновенно двигаются неторопливо, движение замедляется еще и тем, что в таких случаях везут с собой весь свой домашний скарб, нагруженный на описанный уже нами другой вид саней, называемых ashkio, в которые, несмотря на их величину, впрягают тоже по одному оленю.

Впереди на легких санях обыкновенно едет лопарь или лопарка, а за ними тянутся грузовые сани, привязанные друг за другом вереницей или же едущие свободно. Домашние олени, даже не будучи привязаны, ровно бегут друг за другом со своими санями и весь обоз вытягивается в одну линию. Едучи по своим делам без клади, они мчатся обыкновенно с громадной скоростью. "В 24 часа, – пишет Циглер, – они покрывают расстояние в полтора-два тысяч шагов, или 30 сцен (schoen – шведская мера, равная 1 миле), что на их языке называется "трижды изменить горизонт", т.е. трижды достигнуть отдаленнейший пункт, видимый на самом горизонте".

Герберштейн в своем сочинении о Московии говорит о двадцати милях в день, подразумевая под этим светлую часть суток. Тем не менее, представляется маловероятным, что на одном и том же олене можно покрыть такие громадные расстояния; даже и двадцать миль одним духом может пробежать только очень крепкий олень при хорошей дороге и скользкоукатанном снеге. Обычно олени пробегают двенадцать-шестнадцать миль в течение 10 часов. И это следует считать хорошей скоростью и порядочным расстоянием для оленя, бегущего без передышки. Если удвоить его, то и подучается цифра, приводимая Циглером, т.е. тридцать миль в 24 часа, но, повторяю, трудно допустить, чтобы один и тот же олень мог пробежать сразу такое расстояние, что подтверждали в разговорах со мною и сами лопари. В таком же смысле высказывается и Олаф Петерсон: "Настаивать на такой исключительной скорости и выносливости оленя, а именно, чтобы он мог везти сани с человеком без передышки за один день по двадцать миль, представляется мне нелепым. Достоверно известно, что если и удастся в течение одного дня совершить такой пробег, то на следующий день олень обязательно должен хорошенько отдохнуть, так как в противном случае он неизбежно падет".

Такие разъезды одинаково совершаются и мужчинами и женщинами, о чем мы знаем не только со слов Олафа Магнуса, а – что гораздо важнее – из повседневного опыта. Олаф говорит, что женщины выезжают на санях на охоту, от которой, однако, как нам известно, женщины у лопарей совершенно отстранены. Тем не менее и помимо охоты женщины часто выезжают на санях по разным надобностям.

Но не только в разъездах и при переходе на новые места женщины равняются с мужчинами, а и во многом другом исполняют ту же, что и они, работу, помогая им при пастьбе скота и рыбной ловле. Оленей, как известно, пасут и мужчины и женщины, они же и доят их. "Оленей

доят у лопарей и мужчины и женщины, – говорит по этому поводу Самуил Реен, – старики и юноши".

Что касается рыболовства, то женщины занимаются им, пожалуй, даже чаще мужчин. Нередко в отсутствие мужчин лопарки отправляются далеко на рыбную ловлю, иногда на целые недели, ловят много рыбы, тут же потрошат ее, вялят и заготавливают впрок на зиму. Способы ловли мало отличаются от обычных, рыбу ловят неводом, ставят сети, загоняют в мережи, закидывают удочки.

Способы рыбной ловли меняются в зависимости от времени года. Летом ловят рыбу мережками, раскидываемыми меж двух челноков, которые затем приближаются друг к другу, загоняя рыбу в сети. Иногда пользуются еще своеобразной острогой, напоминающей трезубец, с которым изображают Нептуна, с той лишь разницей, что зазубрин на нем часто бывает не три, а гораздо более. Этой острогой пронзают главным образом шук, когда они из глубин поднимаются на поверхность понежиться на сол-

Мне непонятно, что подразумевал Павел Иовий, говоря в своем "Описании Московии" о "нелепых, но удачных приемах рыболовства у лопарей". На мой взгляд, ничего нет нелепого в тех способах, которыми пользуются лопари при ловле рыбы. Мой взгляд подтверждают слова Олафа Петерсона: "Мне ни разу не приходилось слышать о каких-нибудь особенных рыболовных снастях у лопарей, кроме тех, которые употребляются повсюду".

Может быть, Иовий имел в виду деревянные крючки удочек, которые часто встречаются у лопарей вместо обычных железных. Для этой цели заостряют наподобие крючка раздвоенный сучок можжевельника и подвязывают его на длинной бечевке к палке, которую втыкают на определенное место в реке. Когда крупные рыбы схватят приманку, насаженную на крючок и дернут палку, она начинает колебаться, но, воткнувшись в землю, держится крепко и пойманная рыба не может никуда уйти. Много таких палок одновременно втыкается в берег, или дно реки.

Здесь следует заметить что, распространенный у нас вид рыбной ловли на гибкое удище с тонкой нитью из конского волоса и железным крючком, на который насаживается приманка, и при этом, когда рыба клюнет, она тотчас вытаскивается удильщиком, лопарям почти совершенно не знаком.

и попадаются на глаза рыболовам. С острогой охотятся также и ночью, разводя огонь из сухого хвороста на носу челнока, на свет которого сплывається рыба, которую, пользуясь этим, и бьют рыбаки.

В зимнее время тянут неводы подо льдом, прорубая в нем в определенных местах проруби, через которые опускаются сети. К ним прикрепляются палки такой длины, чтобы можно было протянуть сеть от одного отверстия к другому вплоть до противоположного берега. Когда это сделано, поднимают на льду шум, вспугивают им рыб и загоняют их таким образом в расставленные сети. Даже и это нередко выполняется одними женщинами.

Чтобы рассказ мой не показался невероятным, я должен заметить, что в реках и озерах Лапландии рыбы водится великое множество.

Кроме этих главных промыслов, можно было бы еще перечислить немало всяких мелких домашних работ, как, например, соби́рание хвороста, рубка дров, постройка загонов для оленей и т.п., в которых женщины-лопарки принимают участие наравне с мужчинами, но их так много, что я ограничусь уже сказанным.